

Гермиона почувствовала, как по спине разливается румянец. Опустошительный и горячий. Она не была готова к тому, что ее пронзила дрожь, когда Гарри прокомментировал, как хорошо она выглядит, но она была абсолютно уверена, что мысль о том, что она выглядит хорошо и должна показывать это больше, странно задела ее. Это был комментарий, за который многих парней пожурили бы, и вполне справедливо, но Гермиона оказалась в странном положении, не зная, как себя успокоить, но чувствуя себя потерянной из-за странности и головокружительного возбуждения, которое она не могла определить. "Спасибо", - сказала она. Это было все, что она смогла сказать, и даже это вышло натянуто и неловко, неуверенность нарастала внутри нее, когда она открылась этому странному замечанию и почувствовала, что попала в странное компрометирующее положение.

Остаток дня Гермионы прошел в обычном режиме, вплоть до того момента, как ее голова коснулась подушки. Как только она закрыла глаза, она снова подумала о нем. Ее мысли снова вернулись к Гарри, и она внезапно почувствовала, что не может отрицать странное чувство голода и желания, с которым она не была готова столкнуться. "Не сейчас", - простонала она, перекатываясь и забираясь под одеяло. Мысли о том, что она видела, не должны были остаться с ней. То, что он сказал, не должно было остаться в памяти.

"Гарри", - пробормотала она про себя. В том, что она увидела и как это произошло, не было никакого смысла, но Гермиона оказалась в компрометирующем положении, не имея ни поддержки, ни смысла, чтобы избавить себя от худшего из этих осознаний. Она смотрела на свою лучшую подругу как на большой кусок мяса, и почему-то ей это нравилось. Это противоречило всему, что она знала и думала, всему, что касалось ее еще только открывающихся романтических чувств. У нее не было полного представления о себе, но Гермиону определенно привлекали доброта, ум, то, что было более неосознанным и более важным, чем внешность. Гарри, безусловно, был способным, даже если он не был гением, и у него было поистине великое сердце.

Так почему же Гермионе потребовалось столько времени, чтобы "заметить" его, и все из-за больших грудных мышц и большого члена?

Все это не нравилось Гермионе, и у нее не было способа отбросить эти переживания в сторону и решить свои проблемы. Но логика здесь ей не помогала: поиски ответа, основанные на этих доказательствах, приводили к довольно неприятным идеям, которые ей совсем не нравились, поэтому она просто пыталась отбросить эти мысли и игнорировать весь этот вопрос, отказаться от процесса и искать надежду на блаженство неведения, которое подразумевает отбрасывание всего, что произошло, и жить дальше, как можно лучше. Это было похоже на все, что Гермиона могла сделать. Продолжать жить, притворяться, что она ничего не видела, надеяться, что все снова станет нормальным.

Но мир забыл, что такое нормальная жизнь.

Пока Гарри не вернулся на территорию Хогвартса, ничто не казалось нормальным. Не было никакого ощущения спокойствия или нормальности, чтобы спасти его от странной реальности того, каким безумным было его лето. Его личностный рост, взлёты и падения после нападения

дементоров, приведшего к почти изгнанию и испытанию, призванному испортить ему жизнь, мысль о том, что дом семьи Сириуса - это место, куда Гарри может вернуться и назвать своим домом. Эмоциональные американские горки после и без того нестабильной ситуации, на которых закончился его последний учебный год. Было так много всего, и Гарри изо дня в день пытался все это переварить.

Но Хогвартс? Гарри знал Хогвартс. Гарри любил Хогвартс. Он чувствовал себя здесь как дома, когда ничего другого не было. Это было первое место, где он по-настоящему почувствовал себя своим, и это принесло с собой нормальность и монотонность дня, которые как никогда успокаивали его в эти странные времена, и все, чего Гарри действительно хотел, это вернуться к нормальной жизни любой ценой.

Сидя в гриффиндорской общей гостиной, он чувствовал себя как дома. Здесь было шумно от знакомых голосов и полно знакомых лиц, а также, конечно же, огромное количество ошеломленных первокурсников. Это было нормально, разумно и так интригующе, что Гарри был счастлив потерять себя во всем этом, сидя за старой шахматной доской напротив Рона и играя партию, пока Гермиона рылась в материалах для чтения за год еще до того, как начался их первый урок.

"Нам предстоит очень трудный год", - сказала Гермиона, перелистывая книгу все быстрее, стараясь взять ровный и уверенный темп. "Чем больше я читаю об этом, тем яснее становится, что здесь мы будем находиться под большим давлением, чем когда-либо. Нам придется много учиться, если мы хотим сдать O.W.L. на хорошие оценки и продолжить обучение в последующих классах. Я предлагаю запланировать несколько групповых занятий, они нам понадобятся в этом году больше, чем когда-либо, и они не будут легкими".

Рону это было совсем не по душе. "Да, я так рад, что мы выслушаем еще одну лекцию о том, что нам нужно учиться и что уроки - это тяжело. У нас еще даже уроков не было, а ты уже думаешь о наших экзаменах в конце года. Вытащи для разнообразия голову из учебника и перестань быть такой скучной, сегодня должен быть счастливый вечер".

"Скучно", - сказала Гермиона, захлопнув книгу, которую держала в руках, так сильно, что это заставило нескольких человек вскочить со своих мест от удивления. "Заботиться о моем будущем - заботиться о будущем моих друзей, если на то пошло - это просто скучно. Хорошо. Замечательно."

"Нет, Гермиона, перестань". Рон вздохнул, махнул рукой и попытался отмахнуться от нее. Это был его шанс сохранить лицо. "Я не имею в виду, что ты скучная. Я просто хочу сказать, что тебе было бы лучше, если бы ты перестал быть таким мозгошмыгом весь день, уткнувшись лицом в книги". Рон не сохранил лицо.